

Среди анархии и распада, пронизавших с такою силою, многие уже почувствовали свои заблуждения и видят опасность, но остаются еще много сабых, которые думают, что все эти явления представляют ликвидацию старого режима и зарождение нового с тяжелыми потугами. Что же однако, ликвидируется и что зарождается среди крови и огня, среди подпольных убийств и открытых мятежей, среди разбоев, грабежей и насилий, среди организованных союзов убийц и подстрекателей, среди стачечных союзов насильников, стремящихся поработить хозяев и рабочих, разрушить промышленность, торговлю и сельское хозяйство террором тайных банд, которые ведут за собою темные немисленные толпы?

Говорят, что ликвидируется российский абсолютизм, неограниченная русская монархия и бюрократическое управление, грехи которого якобы нечеловечески; а зарождается конституционная российская демократия. Что это за демократия? По уверению одних, это конституционная демократия, по уверению других — социальная демократия; первые твердят, что Россия должна превратиться в конституционную демократическую республику хотя бы на первое время для «политических учеников», призрачную ширма (фигурирующую монархию; по мнению других Россия должна прямо преобразиться в социальную демократическую республику. Из-за этого разногласия конституционно-демократы мирно спорят с социальными демократами в газетах и на митингах; но в дѣлѣ «революции», в дѣлѣ бунта, мятежа, убийств и разбоев, в дѣлѣ поддержки и провала бунта, мятежа, убийств и разбоев они друзья и союзники. Конституционно-демократы сами не идут на уличный бунт, на матросские мятежи, на разгром помещичьих усадеб, на разгром фабрик, заводов, рудников, на революционные расправы и метание бомб, но они всеми способами поддерживают «борьбу революцию», подстрекают их, защищают, провозглашают, признают солидарность с ними в былые «парламенты» и даже прямо аплодировали им дружными парами хлопков (покупку на убийство адмирала Дубасова). У союзников одна цель, но различие в тактике: в разрушении старого режима революционными средствами друзья и союзники противопоставляют друг другу руку, но у каждого тактика трюсов и увертки, они работают изысками и «парламентскими» подлогами, ложью, клеветой и подстрекательствами; а социальности глумят и безумят: в языки лжи, обманом они присоединяют прямое насилие и террор — революция, бомбы, бунты и мятежи. Конечно, сочувственники и покровители мятежников, трюсов, революционщиков и бомбашников такие же мятежники, революционеры и трюсовики; но они предпочитают действовать чужими руками. Мы, конечно, имеем в виду «социал-партии», исключая глумящих пестрозобов, которые, «состояв в партии», ничего не понимают или плохо понимают.

Если мы обратимся к программам этих двух партий, то увидим, что они также близко соприкасаются и различаются лишь в степенях. Конституционно-демократы поставили в своей программе разрушение современной России, как политического ила, и распад на области; по этой части программы неизбежно входят и в планы социальности, отрицающих государственность. Разница лишь в том, что конституционно-демократы предлагают какое то слабое государственное сдѣлание, а социальности мерещится еще более рѣшительное крушение. У этих и других эта часть программы не разработана, у этих и других нет никакого по этому пункту положительного плана, но за то у этих партий сильно анархическая идея распада: политическую Россию нужно разрушить, а затем распасться области, сдѣлав-

шись «самоопредѣляющимися» и «самоуправляющимися» должны как то сложиться в новую «демократическую» или «социально-демократическую» политическую единицу.

Если мы обратимся к отношению обеих партий к органам государственного управления и защиты — к администрации, суду, армии, то у социальности найдем полное отрицание всех этих сил и органов и принципиальную к ним ненависть; конституционно-демократы не идут так далеко «в принцип», но они столь же ненавидят русскую администрацию, русский суд, русскую армию. Они понимают, что для их планов не пригодны реформы, а все эти государственные силы должны быть погашены, уничтожены и замѣнены новыми другими. И в самом дѣлѣ: какая может быть русская армия, если предполагается распад России на области? Въѣзды пришлось бы устраивать, быть может, десять армий — польскую, финскую, латышскую, грузинскую, великорусскую, украинскую, татарскую, быть может, даже иудейскую. Да и сама эта армия должна бы превратиться в демократическую «милицию», «самооборону», «красную гвардию» капитана Кова, в такія «гвардии», какія обнаружил себя съ Кронштадтѣ, Севастополѣ, Свеаборгѣ. Не было бы при распадѣ России ни русской администрации, ни русского суда, а все это должно распасться и формироваться по областям, по какой то неважной революционно-демократической формации польского, финского, грузинского, латышского и иных судов и администраций.

Очень близко подошли конституционно-демократы к социальности в отношении программы. Социальности отрицают собственность полностью, несправедливо, стремятся погасить классовую ненависть рабочих к предпринимателям и собственникам, чтобы затмѣить произведя всеобщий погром собственности. Большое трусливое конституционно-демократы и тут не идут до конца, но приготавливают путь. Они предлагают ограничить разгромом поземельной собственности посредством принудительного отчуждения и отобрания собственности, но они столь великодушны, что обещают конфискацию «с возмездием». Конечно, назначать вознаграждение будут они сами и их друзья социальности, а потому «на справедливую оценку» можно заранее рассчитывать; а самое вознаграждение будет выдано процентными бумагами за счет будущих латышских, польских, грузинских, украинских, татарско-московских, самарско-саратовских и иных автономно-республиканских казначейств. Если все эти казначейства окажутся в концѣ концов пугачевскими и их бумаги будут имѣть такую же силу, как ассигнации французской республики (15,000 франков за пару башмаков), то въѣзды это будет только неизбежное продолжение хорошего начала. Для конфискации земельной собственности конституционно-демократы придумали по социальности «государственный земельный фонд», подтверждали этим, что они только трусливые недоросли и ублюдки социальности, которые по трусости и жалкому недомыслию не могут «снять мантию» и выступить во всей прелесть. Социальности, конечно, кричат по поводу кадетской аграрной программы «мало, мало», но используют и поддерживают всеми способами «трусливых» союзников, очевидно понимая, что если под кадетскими тономор рухнет или даже зашатается поземельная собственность, то никакая другая собственность не устоит послѣ такого начала и наступит такой кровавый пожар, что не будет жарко во всей России и Европѣ.

Мы говоримъ объ этихъ двухъ партияхъ — социальности и кадеты, или политический недорослей, какъ мы ихъ неизменно титуловали, потому что они составляли ферментъ анархический и печати не оцнили значенія Думы. (Ах, баронъ, не знаю, какъ общество, но «червоточина» нечет сразу «отцвила» деятельность Думы по части «революционирования страны»; а вотъ ваши друзья кадеты отрезаются отъ «революционирования», и вѣсь, что баронская откровенность вы не очень поправится. Поистинѣ, удивительный баронъ описал врага).

Далеко баронъ сообщил, что «Дума очень много и необыкновенно продуктивно занимается законодательной деятельностью»; но, вѣроятно, забывалась отъ «закрытыхъ застѣнокъ», такъ что законодательной продуктивности Думы нинто не видать. А открыта Дума съ такой же необыкновенной продуктивностью занимается... агитацией. Баронъ такъ прямо и сказал:

— Главное значеніе Думы заключается въ ея агитационной деятельности. Широкие слои населения никогда не слышали такихъ рѣчей, какія раздавались съ думской трибуны (что правда — то правда). Дума широко пользовалась свободой слова, чтобы агитировать, агитировать и агитировать.

Вѣз дальнѣйшихъ откровенностей баронъ вы узнаете, что Дума собралась вовсе не для законодательной деятельности, а для того, чтобы устроить конфликтъ съ «врагомъ», т. е. съ правительствомъ. Къ конфликту стали готовиться «съ первыхъ же дней».

— Необходимо было, сказалъ баронъ, выиграть время для агитации съ думской трибуны. И мы рѣшили отступить, по слову это возможно, моментъ конфликта, дабы дать возможность странѣ подготовиться, собраться. Мы хотѣли, чтобы баронъ,

хулиганского «освободительнаго движенія», ихъ вынесла на своемъ гробѣ анархическая «революция» и населила ими первый российский «парламентъ». Къ этимъ двумъ союзникамъ необходимо прибавить разлагающее наше общество инородческое брожение среди латышей, финнов, поляковъ, кавказцев и, въ особенности, евреевъ. Среди инородцевъ шли различные теченія, націоналистическія и политическія, но характерно, что и здѣсь имѣли крупное, а иногда рѣшающее вліяніе тѣ же группы революционно-анархическаго демократіи и революционно-анархическаго социализма. Таково было гурійское, армянское и латышское революционное броженіе; среди поляковъ националисты-народолюбцы едва оселили союзъ польскихъ социальности и польско-еврейскихъ бундистовъ, среди евреевъ революционное движеніе вели интеллигентъ, принадлежавшій къ кадетамъ, или социальности, и бундисты, разрабатывавшіе еврейскую молодежь и рабочихъ.

Если бы эта смесь революционеро-демократовъ и революционеро-социальности дѣйствительно выражала настроение и возрѣнія Россіи, то падъ великой восточной имперіи оставалась бы только поставить крестъ и пролѣтъ вѣчную память. Великая славянская имперія представляла бы трупъ, разложение котораго совершалось бы въ нѣсколько лѣтъ. Къ тому же по характеру выступившихъ силъ отъ Россіи не осталось бы даже того, что осталось отъ Польши: «башую» Россію затопила бы волна варварства и пугачевщины, которая совершенно снесла бы ея слабую культуру и возвратила къ монгольскому періоду ея исторіи.

Но хотя эта волна варварства и дикости подила съ поразительной быстротой, разрушая въ теченіе двухъ лѣтъ школу, промышленность, земледѣліе, государственную порядокъ и безопасность, тѣмъ не менѣе, страна жила, работала, люди труда и дѣловой энергіи задавались бреша, пролагали анархической революціи, продолжали трудиться и вовсе не готовились ни умирать, ни ликвидировать свою деятельность. Сравнительно очень немногие сознавали даже опасность бѣснующей черни и бѣснующей демократическо-социальности Думы, разнесшей на все четыре стороны ядъ разложения, мятежа и настоящаго изувѣрскаго анархизма.

Бѣсноватые Таврическаго двора не скрывали своихъ цѣлей: крики обаянія, обѣты смертной казни, заявленіе полной солидарности бывшей Думы съ революціей и политическими убійствами и мятежами, рѣчи Петрункевича, Родичева, Щенкина, Винавено, Гершенштейна были столь же ясны и откровенны, какъ и рѣчи Лядина, Жилкина и Къ; революціи бывшей Думы были также мятежны, какъ и рѣчи отъѣзжавшихъ членовъ, какъ и дѣль тѣхъ матежнихъ газетныхъ листовъ, которые поддерживали мятежниковъ Таврическаго двора. И по смотру на все это, оставленіе было такъ велико, что въ придворныхъ кругахъ на предложеніе министерства распустить Думу явилось контръ-предложеніе — составить кадетское министерство, т. е. передать государственную власть въ руки революціонеровъ, въ программу которыхъ были включены распадъ России, конфискація земельной собственности, союзъ съ ѣврейскими революціонными агентами и почти не замаскированная демократичекая республика или серия «демократическихъ республикъ». Государственную власть предлагали передать въ руки тѣхъ, которые не могли выносить вида гр. Горемыкина, Стоянина, Коконцева, Гурко, но отличо переносили сотрудничестве Аладина, Жилкина, Сидельникова и кавказскихъ башбузовъ.

Это былъ періодъ такого поразительнаго политическаго затмѣнія и растерянности, что даже въ бѣсноватѣйшей Думѣ значительная часть бѣсноватѣйшихъ едина понимали, что они дѣлаютъ, куда они идутъ и чѣмъ все

окончится. Они были отравлены ядомъ революціоннаго бѣсноватѣя и въ свою очередь отравляли Россію тѣмъ же ядомъ.

Революціонный ядъ, обнаруживавъ все болѣе и болѣе въ ужасающихъ пролонгахъ преступности и мятежа, выработавъ въ здоровой части организма противоядіе; но одновременно оно дѣйствовало разрушительно, находило особенно благоприятную почву въ массовомъ невѣжествѣ и некультурности, въ общемъ политическомъ невежествѣ, въ полной политической неосвѣженности, общей растерянности и инородческихъ вліяніяхъ.

Главная опасность состояла въ томъ, что революціоннымъ ядомъ отравлялась масса населенія, считал со своихъ вѣковыхъ устоевъ и начинавшая шататься, глубоко възмѣнились черты массоваго характера, начинала разлагаться массовый укладъ народной жизни. Въ чемъ выразились эти замѣненія, почему революціонный ядъ не вызвалъ подавляющаго протеста, а началъ разлагать снизу народный организмъ, народную психологию, объ этомъ мы скажемъ въ слѣдующей статьѣ.

Новые министры.

Вѣзто впамятъ, но не избраннымъ «общественныхъ дѣятелей», которые предпочитаютъ свою деятельность въ томъ, чтобы говорить комплименты кадетамъ и анархистамъ, безразлично распространялись передъ «конституціей» и «свободой», глава кабинета П. А. Стоянинъ вынулъ тѣмъ, что пригласилъ на свободныя министерскія посты не общественныхъ, а государственныхъ дѣятелей.

Генерал-адмиралъ земледѣлѣйства и земледѣліе назначенъ членъ Государственнаго Совета штабс-капитанъ В. А. Васильчиковъ. Визаръ Борисъ Александровичъ Васильчиковъ, сынъ знаменитаго публициста, родился въ 1860 году. Образование получилъ въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣ. Въ 1884 году избралъ старорусскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, а въ 1890 году — волгодвѣрскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Въ минувшую войну В. А. Васильчиковъ былъ капитаномъ артиллеріи Краснаго Креста на театрѣ войны. Отличился большой энергіей.

Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода назначенъ камергеръ П. П. Извольскій. Петръ Петровичъ Извольскій хорошо вѣзствѣтъ не только по своей прежней службѣ. Въ Киевѣ онъ довольно долго служилъ по министерству народнаго просвѣщенія, сначала въ должности чиновника канцелярій поименнаго, потомъ окружнаго инспектора и помощника поименнаго. Извольскій лѣтъ назадъ П. П. Извольскій назначенъ почетнымъ членомъ Рижскаго уѣзднаго округа, откуда перешелъ на ту же должность въ Петербургъ. Въ прошломъ году былъ назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. П. П. Извольскій еще бѣзвѣтъ мовой сановитѣ. Его старшій братъ — министръ иностранныхъ дѣлъ.

Министромъ торговли и промышленноствъ назначенъ членъ Государственнаго Совета штабс-капитанъ Д. А. Философовъ. Дмитрій Александровичъ Философовъ служилъ въ государственной канцелярій и въ учрежденіи въ Государственномъ Советѣ департамента промышленности, наукъ и торговли былъ назначенъ статсъ-секретаремъ названнаго департамента. Затѣмъ былъ назначенъ товарищемъ государственнаго контролера, а въ прошломъ году вступилъ въ составъ кабинета графа Витте въ чинѣ статсъ-секретаря государственнаго контролера. Съ уходомъ гр. Витте былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совета.

Замѣтки.

Нѣтъ ничего болѣе деспотичнаго и изувѣрскаго-петербургскаго, чѣмъ русскіе революціонеры. Выступая въ вѣзствѣтъ «борьбѣ» съ печальной «свободой», они дѣйствуютъ насильемъ; требуютъ отъ общества казни, они убиваютъ, проповѣдуютъ свободу совѣсти, мысли и слова, они думаютъ несогласно съ ними мысль и слово, считаютъ негоднымъ и подлежащимъ казни, такъ мыслятъ и чувствуютъ не такъ, какъ они.

Это — самая характерная черта всего нашего «освободительнаго» движенія, которое является частью анархическаго. Враги общества и культуры подлались противъ всѣхъ устоевъ общности и охотнее атакують ихъ, крича, что они только обороняются отъ провала и насвѣла.

И казое-бы зѣвство «освободителей» ни училины, они понять, что сдѣлали это въ видахъ самообороны.

Эта возмутительная ложь, пакъ и фальшь вѣзть принципомъ движенія, поглядіе всего связывается въ томъ, что теперь называется бойкотомъ газетъ.

Страстно добываясь свободы слова и добиваясь ея, «освободители», заданная страну сразившия потокомъ нагой лжи и клеветы, всѣми силами стремятся зажать ротъ своимъ противникамъ. Охотнее всего бойкоту подвергаются всѣ газеты, ратушныя за порядкомъ. И что это за бойкотъ? Я вѣзвѣтъ поимамъ таю видъ бойкота, когда объявитель не желаетъ покупать и читать газету не его политическаго лагеря. Но у насъ бойкотъ вымыселъ въ форму настоящаго хулиганства и даже разбоя. Интересно, что нападеніемъ стороны здѣсь являются почти исключительно представители якобы «гнетенной» націи. Эти освободители выкупаютъ прокламацию газетъ, торгующихъ на революціонными газетами, отнимають эти газеты и руютъ ихъ в т. д. Газетчики при вѣзствѣтъ дѣланныхъ вѣзствѣтъхъ положительно терроризованы еврейскими. Я снѣмъ каждый день наблюдаю, какъ газетчики продаютъ «Кіевлянинъ» въ-подъ помы, со страхомъ оглядываясь по сторонамъ. Тотъ въ томъ, какъ два года назадъ торговали помояными революціонными изданіями. Ама цензура замѣнена другою, гораздо болѣе ожесточенной и пристрастной.

Это называется «свобода» слова! И какая огромная разница между лѣвими и правыми! Слышали ли вы, чтобы представители правыхъ и уѣвренныя партии училина такого рода «бойкотъ», отнимали и разог революціоннаго газеты, терроризировали газетчиковъ?—Ничего подобнаго не было и вѣтъ. Эти партии позволяютъ себѣ только культурные способы борьбы. Хулиганства на правой сторонѣ нѣтъ.

Еще болѣе поразительно это сказывается въ отношеніи къ политическимъ убійствамъ.

Лѣвныя партии все время изволяютъ и рукоприкладствъ убійствами представителей власти и патриотическихъ партий, возводя убійствъ въ героизмъ. Члены Думы изволяютъ свои квартиры портретами отъѣзжавшихъ а въ вѣзтъ Думы, услышавъ отъ Стаховича цифру убійствъ за полгода чинювъ пощадилъ въ вѣзствѣтъхъ кричалъ: «Мало!»

Но вотъ убилъ Гершенштейна — и всѣ консервативная печать, безъ всякихъ вѣзствѣтъхъ, въ однихъ голоса жестоко и безоглядно осуждала убійствъ, горячо призывала къ прекращенію кровопролитія, къ ограниченію партийной борьбы частю культурными средствами.

Не ясно ли, на чей сторонѣ правдѣности и правда! И скажите, пожаю руку на сердце, кто нападаетъ и кто обороняется? Довольно морочить людей, лгать и притворяться. Личности вѣзъе давно обличены. Вы хотѣте власти, вы ненавидите. Всѣми вашими мыслями, всѣми дѣйствіями рукоприкладствъ ненависть и жажда власти. Вы, вожди революціи, въ страстной, честолюбивой погонѣ за властью, ведете за собой Пугачева стадо, злобное и слѣпое, которое скажутъ вамъ пущимъ мясомъ.

И не дай Богъ, чтобы власть когда-либо пошла въ руки такъ на одинъ день. Они захватятъ свободную мысль и слово, они захватятъ страну кровью, тысячами поселятъ на эшафотъ своихъ политическихъ противниковъ. Въ ужасѣ департамента Иностраныхъ Дѣлъ Грозныхъ повернуть передъ кровавой таранной пашкой «освободителей».

А. Савенко.

Рыболовная конвенція съ Японіей. Подѣланы по словамъ «Нов. Вр.» отъѣзжавшихъ переговоры о заключеніи конвенціи съ Японіей на основаніи XI статьи Портсмутскаго договора. Эта статья обязываетъ Россію «войти съ Японіей въ соглашеніе въ видахъ предостереженія японскимъ подданнымъ правъ по рыбной ловлѣ въ моряхъ Японскаго, Охотскаго и Беринговаго. Условно, что такое соглашеніе не затронетъ правъ, уже принадлежавшихъ русскимъ или иностраннымъ подданнымъ въ этихъ моряхъ». Рыбный промыселъ въ нашихъ дальневосточныхъ вѣзствѣтъхъ представляется одной изъ важнѣйшихъ статей государственнаго хозяйства отъ ограниченія. Рыки Охотскаго и Берингова моря изобилуютъ такими богатствами, которыя уже издавна привлекали къ себѣ вниманіе не только японцевъ, но и американцевъ. Иностранцы ловятъ рыбу, напр. осесть, почти выисывая въ водахъ Японіи, а между тѣмъ рыбная ловля была всегда чуждъ-ли не главнымъ ресурсамъ страны Восходящаго Солнца. Отсюда понятно, съ какою энергіей будутъ домогаться японская дипломатія иностраннаго осуществленія XI статьи, и какъ легко могутъ пострадать при этомъ интересы русскаго населенія. Переживавшія нами тяжелыя событія внутренней жизни даютъ возможность относиться въ Россіи

требовательнѣе, чѣмъ это было-бы при другихъ обстоятельствахъ, и нашей дипломатіи предстоитъ возбудить огромныя запасы прозорливости и мудрой настойчивости, чтобы уловить, согласно съ государственнымъ интересамъ развить поставленную ей задачу. Иной министръ, достаточно знающій японскую тактику и настоящее положеніе дѣла, пойдяному, сознаетъ всю серьезность вопроса и съ первыхъ же шаговъ избралъ падежный путь къ его благополучному разрѣшенію. По словамъ, уполномоченнаго на переговоры по рыболовной конвенціи съ Японіей назначенъ И. Я. Коростовичъ. Онъ хорошо знаетъ съ Дальняго Востока и былъ делегатомъ въ Портсмутской конференціи; стало быть, ему вѣзствѣтъ всѣ политическаго обстоятва нашихъ послѣднихъ сношеній съ Японіей. Несомненно, что такому лицу, пользующемуся кромѣ того репутацией дѣловаго человека, легко, чѣмъ кому либо другому провести переговоры въ благополучную кону. Помощниками его явятся О. А. Гриницъ, вѣзствѣтъхъ японскаго рыболовства и рыболовства, и г. Бражниковъ, переиздавший рыбный промыселъ на Амурѣ, авторъ перваго научнаго труда по рыболовству Дальняго Востока.

Корреспондентъ «National-Zeitung» пишетъ: «Въ Свеаборгѣ арестовано сто штакетниковъ, а въ Кронштадтѣ между ними оказались в трое бывшихъ членовъ Думы, которыхъ страна обязана поимамъ перемѣнить. Что итакъ-никакъ не было никакого дѣла до политическаго издѣлствъ, это видно изъ тотъ-бы высказаннаго словечеными матросами: «Знаю что намъ плавать не удалось! Ужъ погуляли-бы; каппа на нашѣхъ не оставалъ-бы. Да вотъ не добрались до японскъ лабораторій. Бѣзъ бы богатъ плавали; за господскіи голоды акты-бы!» Кара уже поставилъ ивотурныхъ изъ вѣзствѣтъхъ ивотурныхъ и нужно полагать, что судъ будетъ продолжаться съ всей строгостью закона».

Въ Финляндіи броженіе продолжается. Военный бунтъ подавленъ, но рабочие и крестьяне гвардіи продолжаютъ возмущать общество. Общественное мнѣніе требуетъ энергическихъ дѣйствій со стороны властей противъ финскихъ социальности; работа съ русскими революціонерами полъ одной крышѣ, они вѣзствѣтъхъ Финляндію въ русскую анархію. Демократическая Финляндія въ своей вѣзствѣтъхъ горланасъ «русско-финляндскимъ рабочими, вѣзствѣтъхъ «красной гвардіи» и снѣтъ даже наградила еъ 260,000 марокъ. Уме тогда благодарныя элементы общества возсталъ противъ такого безумія, но въ перерывахъ другіе, пошлая реакціонеры». Кто слышитъ не хочетъ, тому придется ослушаться. Теперь красная гвардія лезла себѣ въ настоящее сѣтъ и конфискованы въ ихъ квартиры бунта, вѣзствѣтъхъ ихъ намеренія, вѣзствѣтъхъ во всѣхъ случаяхъ не на усвоеніе и благоустоеніе страны.

Ожидается, что финскіе социальности стремятся въ провозглашенію въ Финляндіи коммунистическо-анархическаго республици, которая, предполагается, составитъ часть русской федеративной республики, которая, предполагается, составитъ часть русской федеративной республики. Къ этому стремленію возмущаетъ общественность, красная гвардія возмущается за дѣла, снѣтъ снѣтъ и союзомъ народныхъ представителей. Это представительство должно сообща съ назначенными красными правительствомъ приступить къ всѣзствѣтъхъ экспроприации земли и вѣзствѣтъхъ частной и вѣзствѣтъхъ собственности. Эти замыслы открыты, наконецъ, глазою сошной администраціи; чтобы сдѣлать се нападѣными силами, ивотурные требуютъ восстановления финляндской арміи. Но такъ какъ этотъ проектъ долженъ сперва быть утверждѣнъ Государствомъ, то собирается на первый случай сформировать поименнаго батальоны. Таковы образцы, возмѣтливый красной гвардіи по несколькимъ случаямъ будутъ поставлены границы, и надо полагать, что безнадѣжность ихъ плановъ станетъ для нихъ не очевидной, и Финляндія будетъ изобилуетъ изъ междуусобной войной.

Какъ вѣзствѣтъхъ всеобщей забастовки, то она оказалась неудачной. Всѣ железнодорожные пути функционировали нормально, хотъ и подъ вѣзствѣтъхъ охраной. Населеніе столичны, однако, страдало и закупать огромные запасы провѣнта, такъ какъ революціонеры пригрозили запретить магазинность. Что это имъ не удалось при вѣзствѣтъхъ въ городѣ 4 штакетныхъ и двухъ вѣзствѣтъхъ дивизій, нево для вѣзствѣтъхъ спокойнаго наблюденія. Правительство терпѣ, неистори на всѣ бунты на даже отъѣзжавъ багарага въ ихъ устойчивѣе, чѣмъ когда либо и уже отброшено всѣ мысли о снѣшанномъ министерствѣ.

Настѣе изученіе равныхъ ошукелей. Тихая болѣзнь, называемая ракомъ, выисала въ послѣдніе годы основаніе специальныхъ учреждений для ея изученія. Однѣмъ

БЕСЪДА.

—Необходимое прощенье!
—Увѣзливое прощенье!
Кіевскіе газетные Бобчинскіе и Добчинскіе российской революціи живутъ. Баронъ вернулся въ Киевъ! Баронъ признается репортеромъ! Баронъ бѣзствѣтъхъ съ репортерами! Баронъ открываетъ репортерскую лавку! Баронъ вѣзствѣтъхъ! Баронъ въ Киевѣ словоохотливѣе, чѣмъ въ Думѣ! Vive le Baron!

Одинъ изъ газетныхъ Бобчинскихъ уже побывалъ у барона, допросилъ его во всѣхъ пунктахъ и все сіе изображалъ въ органическихъ лавкахъ революціи «Кіевская... зрѣла, но отнюдь не созрѣла». Отвернувшись уста баронъ прежде всего сообщилъ Бобчинскому свой взглядъ на будущее:

—Пожалуй, сказалъ онъ, что теперь марья и споводная издали совершенно писаны.

Вотъ такъ идеалистическія бароны! Очевидно, все, что дѣлалось въ Россіи до «рагона» Думы, онъ считаетъ «марной и споводной издали». А теперь, по мнѣнію барона, уже не будетъ издали, а будетъ... чрезвычайная потасова.

—Не вѣрится, сказалъ баронъ, чтобы постоянный президиумъ періодъ послѣ такой же мирный характеръ, какъ предыдущій: 20 февраля не будетъ позже на 27 апрѣля.

Послѣ этого баронъ вступилъ въ откровенность.

—Дума, сказалъ онъ, сыграла огромную роль въ дѣлѣ революционирования страны. Къ гонимому, значительная часть общества

и печати не оцнили значенія Думы. (Ах, баронъ, не знаю, какъ общество, но «червоточина» нечет сразу «отцвила» деятельность Думы по части «революционирования страны»; а вотъ ваши друзья кадеты отрезаются отъ «революционирования», и вѣсь, что баронская откровенность вы не очень поправится. Поистинѣ, удивительный баронъ описал врага).

Далеко баронъ сообщил, что «Дума очень много и необыкновенно продуктивно занимается законодательной деятельностью»; но, вѣроятно, забывалась отъ «закрытыхъ застѣнокъ», такъ что законодательной продуктивности Думы нинто не видать. А открыта Дума съ такой же необыкновенной продуктивностью занимается... агитацией. Баронъ такъ прямо и сказал:

— Главное значеніе Думы заключается въ ея агитационной деятельности. Широкие слои населения никогда не слышали такихъ рѣчей, какія раздавались съ думской трибуны (что правда — то правда). Дума широко пользовалась свободой слова, чтобы агитировать, агитировать и агитировать.

Вѣз дальнѣйшихъ откровенностей баронъ вы узнаете, что Дума собралась вовсе не для законодательной деятельности, а для того, чтобы устроить конфликтъ съ «врагомъ», т. е. съ правительствомъ. Къ конфликту стали готовиться «съ первыхъ же дней».

— Необходимо было, сказалъ баронъ, выиграть время для агитации съ думской трибуны. И мы рѣшили отступить, по слову это возможно, моментъ конфликта, дабы дать возможность странѣ подготовиться, собраться. Мы хотѣли, чтобы баронъ,

въ необходимости котораго нинто собствен не сомнѣвался, былъ бы менѣе хотѣли, хорошо организованъ и стоялъ бы странѣ какъ можно менѣе жертвъ. Конфликтъ мы рѣшили принять на почвѣ аграрнаго вопроса, чтобы народъ узналъ, кто его настоящее друзья.

По обществу «подпадуло» барона и его кадетскихъ приятелей.

— Къ сожалѣнію, вздохнулъ баронъ, общество совершенно, по моему убѣжденію, грохнула историческую ошибку. Съ момента отступилъ Дума общество совершенно превратило свою самостоятельную деятельность, почва на аврархъ (это неистори на думскую агитацию) дѣйствительно пролодое общности! и всѣ свои надежды возложилъ на Думу. Горькая организационная работа, наблюдавшаяся во время выборной кампаніи, была почему то совершенно оставлена. Не было даже прочной связи между депутатами Думы и избранными ихъ населеніемъ. (Ого, баронъ! а что скажутъ ваши вѣзствѣтъхъ друзья, все время кричащие, что народъ за нихъ?)

На вопросъ Бобчинскаго: «что теперь дѣлать?» баронъ отвѣтилъ:

— Раньше всего агитировать и организоваться. Доложить въ дальнѣйшей агитационный мѣрали: немедленный созывъ народныхъ представителей (баронъ сдѣлалъ удареніе на словѣ: немедленный). На пинтѣ совѣщаній въ Тернополь былъ также предложенъ созывъ: немедленный созывъ разнородной Думы. Но отъ этого дозвунтъ не встрѣлать сочувствія среди насъ; неудобно вѣзъе настаивать, что только мы де хороши. Но для упрощенія выборной процедуры, для ускоренія созыва, можно

оставить прежнихъ выборщиковъ, уѣздныхъ и губернскихъ, а уже эти выборщики выберутъ новую Думу.

На что ужъ проще: оставить прежнихъ выборщиковъ, а тѣ, конечно, выберутъ прежнихъ депутатовъ, въ томъ часѣ и барона, и Дума будетъ нова, но въ то же время старая. Не знаю, кому принадлежать этотъ гениальный планъ: барону или вообще гениальной парти; но боюсь, что неистори на всѣхъ баронскія ударенія, немедленнаго созыва Думы все таки не будетъ, а промѣтло... вѣдъ и выборщики могутъ такъ же подпадутъ, какъ подпадуло и общество, «починое на аврархъ».

Въ дальнѣйшей бесѣдѣ съ Бобчинскимъ баронъ сообщилъ, что «они» рѣшили образъ особое вниманіе на деревню, на крестьянство:

— При прежнихъ выборахъ, по крайней мѣрѣ наша партия обращала свое вниманіе преимущественно на города. Необходимо исправитъ ошибку и развить въ деревнѣ широкую агитацию.

Тутъ дѣла Бобчинскій усумнился и спросилъ:

— А какъ вы ее разовѣете? Вѣдъ могутъ встрѣтятся препятствія?

На это баронъ отвѣтилъ, что это «вопросъ тактики», причемъ вѣзствѣтъхъ, что «ваша тактика должна значительно замѣниться»; но, несмотря на пристававшіи Бобчинскаго, отъ болѣе подробныхъ объясненій уклонился. Впрочемъ, секретъ этой «тактики», можетъ быть, лежатъ въ признаніи барона, что теперь «между лѣвими и болѣе лѣвими партиями почти вѣтъ никакой разницы». Но это секретъ подлинно

нея для тѣхъ, кто внимательно сдѣлалъ за дѣлательность вѣзствѣтъхъ въ Думѣ.

Къ «врату» баронъ отнесся съ часто баронскимъ высокоуміемъ. Онъ допытываетъ, что «въ странѣ вѣзствѣтъхъ значительной замѣнѣтъхъ реалистическаго смысла, но значеніе ихъ не слѣдуетъ преувѣличивать». Въ бюрократическаго верхахъ теперь «снѣтано и снѣтъ вѣзствѣтъхъ на одной нѣтѣ». Притомъ же «наши реакціонные элементы далеко не организованы»; а чтобы организоваться нужно умирие и способность, а этого у нихъ нѣтъ; ихъ способности хватаетъ только на погромы.

Дойдя до погромовъ, баронъ покатился дальше уже какъ по рельсамъ. Онъ «терпѣе» убѣжденъ, что погромы были организованы, и что инициатива этой организации принадлежатъ той «партиѣ», которая среди широкаго общества носила названіе «звѣздой власти».

Расширившись со звѣздой власти, баронъ затворилъ о крестьянствѣ. Когда баронъ еще не сдѣлалъ въ Думѣ, крестьянство далъ него представлялось «загадочнымъ сфинксомъ», но снѣтъ въ Думѣ, онъ и этого сфинкса разгадалъ. Онъ узналъ, что крестьянство вѣзствѣтъхъ сознательно требуетъ «земли и воли». Впрочемъ, крестьянство объявляется крестьянству разбу. Наше юго-западное крестьянство требуетъ только одной земли, а въ остальной Россіи «земли и воли» является вѣзствѣтъхъ сознательнымъ требованіемъ крестьянскихъ массъ.

Къ этимъ вѣзствѣтъхъ открытіямъ баронъ прибавилъ:

— Что же касается спокойности, съ которой деревня отнеслась къ разгону Думы.

то и убѣдился, что эта «тишина и спокойствіе» объясняется исключительно только настоящимъ временнымъ голом

